

Л. А. КРОЛЬ

<«Беда этого несомненного патриота, прекрасного человека и превосходного моряка была в том, что политическая его подготовка была ниже средней»>

От обзора мнениями по вопросу об общем положении мы вполне естественно перешли к вопросу дня: о составе Совета министров. При обсуждении отношения к различным кандидатурам, зашел вопрос и о кандидатуре адмирала Колчака в военные министры. О нем никто из нас не знал ничего, за исключением известного из газет эпизода с его золотым оружием. Дать его характеристику вызвался С. В. Востротин, с которым адмирал был вместе в правительстве генерала Хорвата. По словам Востротина, адмирал Колчак был далеко не тот, что раньше. Он стал человеком, слишком часто меняющим решения, колеблющимся. Очень нервничал. Под конец адмиралу дали двухмесячный отпуск. «Вчера я виделся с адмиралом и нашел, что было бы невречно дать ему еще трехмесячный отпуск», — закончил Востротин, определенно указывая, что в данный момент эта кандидатура мало подходяща. <...>

Сразу стало известно, что адмирал вышел из себя по поводу происшедшего, послал даже своего официального представителя на обставленные весьма торжественно похороны погибших.

Но одного адмирал не мог добиться: суда над виновными. Это оказывалось выше возможностей «Диктатора»: диктатура была, но не адмирала Колчака, а безответственных кругов. И общественность не могла этого не учесть. <...>

В феврале адмирал Колчак, при поездке на фронт, прибыл в Екатеринбург. Въезд его был обставлен военной властью своеобразно: вдоль улиц стояли шпалерами войска, а толпу старались разогнать в боковые улицы.

В торжественном заседании городской думы, в ответ на речи представителей фракций, от кадетов до эсеров, адмирал произнес прекрасную речь, тонко подчеркнув в одном месте несогласие свое с каким-то

положением, высказанным народным социалистом В. Я. Бахтеевым¹ (что для малоискушенных людей стало означать, что адмирал — чуть ли не энес).

В речи адмирала были определенно сильные места: «...Большевизм слева, как отрицание морали и долга перед Родиной, большевизм справа, базирующийся на монархических принципах, но в сущности имеющий с подлинным монархизмом столько же общего, сколько большевизм слева — с истинным демократизмом, еще много времени будет требовать для упорной борьбы с собой. Одни отрицают право, другие желают быть выше права. Я не мыслю себе будущего строя иначе, как демократическим... Народ русский является единственным хозяином своей судьбы, и, когда он через своих свободно избранных представителей в Национальном учредительном собрании выразит свою свободную волю об основных началах политического, национального и социального бытия, то я и правительство, мною возглавляемое, почтем своим долгом передать ему всю полноту власти, нам ныне принадлежащей».

Казалось бы, чего больше можно ожидать от диктатора?

Но я наблюдаю одновременно не только за адмиралом Колчаком, но и за сидящим неподалеку от него комендантом города, генералом Домонтовичем². Он, видимо, не особенно привык владеть выражением своего лица, и на нем восторга от речи адмирала наблюдается мало.

Речь адмирала и сам он производит прекрасное впечатление.

Но утром назавтра по городу идет весть, что, покуда адмирал говорил в думе, генералы в его поезде весьма веселились и тоже говорили: «Пусть доберется до Москвы; мы им тогда покажем Учредительное собрание!»

Что из двух реально?

Ответ на это получила отправившаяся к адмиралу делегация от общественности с А. С. Белоруссовым во главе. Она пошла с предложением о том, чтобы не подчинять края и начальника края военной власти, как это, по слухам, проектируется.

В результате — адмирал стучал кулаком по столу и кричал, что гражданские чины показали свою полную негодность; правда, и среди военных мало людей толковых, но эти хоть дисциплинированны, хоть слушаться умеют.

Этим, как мне передавал один из участников делегации, дело и кончилось.

Бедный А. С. Белоруссов не только получил первое разочарование: с ним, по приходе домой, случился сильнейший сердечный припадок, от которого он не мог оправиться несколько дней.

Значит ли это, что Колчак был неискренен? Нет.

Когда к нему, в то же время, городской голова обратился с просьбой освободить из тюрьмы редактора газеты, писавшей назавтра после переворота, что Колчаку и министрам — место в тюрьме, то Колчак ответил: «Что же? По-своему, он тогда был прав: если бы переворот закончился неудачно, мы были бы преступниками». И он тут же распорядился об освобождении заключенного.

Колчак, несомненно, был искренним человеком. Он искренне не отдавал себе отчета в противоречии между «Уставом о полевом управлении войск» и его собственным отзывом о большевиках справа, желающих стоять над законом.

Беда этого несомненного патриота, прекрасного человека и превосходного моряка была в том, что политическая его подготовка была ниже средней. Затем, как и большинство военных, он очень высоко ставил «Устав о полевом управлении войск», который, может быть, вполне пригоден для занятых армией мест в неприятельской стране, но чрезвычайно мало пригоден в гражданской войне, в применении у себя дома. <...>

По отзывам близко стоящих к адмиралу Колчаку, он был уже не тот, что в ноябре: тогда он с удовольствием, говорили они, отдал бы власть другому, а теперь... попробуйте! Даже слишком стремительное движение армии вперед объясняли двумя причинами: одной — подталкиванием со стороны союзников, обещающих признать Российское Правительство, когда оно будет «на берегу Волги»; другой — стремлением опередить Деникина и взять Москву раньше его.

Вокруг адмирала создан своего рода «двор», его окружили «шептуны», Жардецкий ежедневно появлялся у адмирала к чаю в 4–5 часов дня. Адмирал знал цену своему окружению, не стеснялся в весьма энергичных эпитетах по его адресу, но других людей не находил, и другого влияния на него не было. <...>

Передавали, что в совете Верховного правителя адмирал стучал кулаком и кричал: «Совдеп! Разогнать!»

По окончании следующего заседания Государственного экономического совещания нам передавали, что в здании была наготове рота, чтобы нас разогнать. Это вызвало у нас смех. Для того, чтобы разогнать нас, достаточно было много меньше роты. Достаточно было не только указа, но объявления, вывешенного у дверей. Никто из нас народным представителем себя не считал, да и депутатской неприкосновенностью мы не пользовались.

С приездом Гинса наступило успокоение. Гинс добился аудиенции для делегации. Мы ждали ее возвращения с нетерпением. Вернувшись, делегаты сообщили, что их очень удивило, когда, войдя в кабинет адмирала, они застали в нем и Гинса. Адмирал, рассказывали делегаты,

плохо понимал, чего, собственно говоря, мы хотим. Он объяснял все неурядицы тем, что людей нет вообще, а честных — в особенности. Удовлетворило адмирала элементарное объяснение Н. А. Вармунда³, что представительный орган, главным образом, нужен для того, чтобы население могло жаловаться через депутатов на акты произвола на местах. В результате адмирал заявил, что он согласен на преобразование Государственного экономического совещания, что есть несколько проектов по этому вопросу, и что они будут поставлены на обсуждение.

Характером приема делегация осталась в общем довольна.

Впечатление о политическом уровне адмирала делегация вынесла весьма неблагоприятное: чересчур элементарен!..

Экспансивный адмирал Колчак реагировал на меморандум посвоему. Не входя ни в какие сношения с Советом министров, он телеграфировал генералу Жанену протест против меморандума и требование принять меры к тому, чтобы Чехо-Славия заместила Павлу⁴ «представителем, умеющим прилично держаться». По слухам, генерал Жанен сообщил в ответ, что ввиду недопустимого тона телеграммы Колчака он отказывается дать ей ход. Телеграмма Колчака попала, однако, помимо генерала Жанена, в руки чехов, и она подняла в их среде бурю негодования уже лично против адмирала. Уже через несколько дней стало известно, что поезд адмирала подвигается крайне медленно, так как чехи не дают для него паровозов. Дошел слух, что на одной станции, когда адмирал потребовал лично к себе чешского коменданта по вопросу о паровозе, от коменданта последовал ответ: «Среди нас нет людей, умеющих прилично держаться; пусть адмирал подождет, пока пришлют подходящих людей из Праги». <...>

Павлу был в минорном настроении. Он опечалился результатом начатой в свое время чехами с таким энтузиазмом борьбы против большевиков. Он продолжал стоять на точке зрения заинтересованности Чехо-Славии в сильной России, чего он не ждал от нее при большевиках. При всем том он считал, что карта правительства Колчака бита и изумлялся, как правительство этого не понимает, и само не ищет себе заместителя: «Всюду принято, что правительство само ищет, кому передать власть, раз почувствовало, что не имеет опоры. А у вас, в России, каждое правительство считает ниже своего достоинства уйти раньше, чем его зарежут».

Через несколько дней после переворота произошло событие, которое ошеломило буквально всех: союзниками был выдан Политическому Центру адмирал Колчак! Этого уже никто не ожидал, и я менее других. Я был случайно знаком с текстом постановления высоких комиссаров. Он гласил почти текстуально следующее (цитирую по памяти):

«Высокие комиссары, учитывая создавшееся положение, предлагают адмиралу Колчаку отдаться под их покровительство, и, если бы он этого пожелал, то поручить охрану адмирала чехословацким войскам и доставить его в место по его указанию. Если бы адмирал Колчак не пожелал сейчас воспользоваться настоящим предложением, а обратился за покровительством позднее, то не отказать ему в нем, если это по обстоятельствам окажется тогда возможным». Вопрос был поставлен настолько ясно, что времени на размышление адмиралу не давали, и он, само собой разумеется, отдался под покровительство «союзников». Выдать при таких условиях человека было актом высшего позора, актом, к которому с презрением отнеслись даже те, кому выдали адмирала. Между тем, выдача адмирала не была односторонним актом чехов: она состоялась с благословения тех, кто предложили ему покровительство.

